

«ПОКА МОЕ СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ...»

В годы Великой Отечественной войны в окопах Волховского фронта была в ходу такая самодельная песенка:

Фрицам нет нигде

покоя —

*Ни в лесах, ни у болот:
Всюду твердою рукою
Снайпер Харченко их*

бьет.

Слова о войне-герое Ф. Харченко гремела по всему фронту. О нем не раз писали армейские газеты. С ним переписывался Илья Эренбург.

«Я, Федор Алексеевич, очень рад нашей с Вами переписке, — говорилось в письме знаменитого писателя знаменитому солдату. — Желаю Вам быть здоровым и убить последнего фашиста, который замешкается на нашей земле». А солдат ему отвечал: «Ваше письмо, дорогой Илья Григорьевич, я получил, как только вышел из боя. В этом бою я убил из своей снайперской винтовки 23 фашиста, а сколько гранатами искромсал — подсчитать некогда было. Будьте уверены, что и для последнего фашиста у меня пуля запасена».

Так воевал двадцатилетний советский солдат, прибывший на фронт из Котласского района Архангельской области.

О его воинском подвиге в свое время рассказывала читателям «Правда Севера». Немало нового о героическом подвиге узнаем мы из книги Е. Я. Ягодникова «Золотые звезды речников», выпущенной недавно издательством ДОСААФ.

В книге приводится немало примеров, когда Харченко уверенно выходил победителем из напряженных поединков с фашистскими снайперами. И дело тут не только в профессиональном превосходстве. На стороне советского бойца было главное преимущество — моральное. Об этом он сам писал отцу:

«Я, папа, тебе иланью, что пока мое сердце бьется, пока руки держат оружие, буду бить гадов на каждом шагу. Я только начал жить, а эти гады-фашисты не дали мне жить. Вот почему я их бью. Если я погибну, то погибну, как герой...».

Это письмо осталось незаконченным. В бою за деревню Осия близ Новгорода, когда Харченко, заменив командира подразделения, поднял бойцов в атаку, он был смертельно ранен. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Коллектив Лимендского завода свято храня память о своем славном воспитателе, поддерживает связь с его матерью Ксенией Родионовной, живущей ныне в станице Анапской Краснодарского края. Она писала северянам:

«Я очень благодарна вам за то, что вы не забыли моего сына, который работал на вашем заводе... Пусть всегда будет мир, чтобы матери не проливали больше слез по своим погибшим сыновьям! Пусть все идет дружно и счастливо! В этих простых материнских словах точно определена та высокая цель, ради которой героически сражался и отдал свою жизнь ее сын.

А. ЛУКИН.

СОРОК ЛЕТ, НЕ СЧИТАЯ ВОЙНЫ

Слово о ветеране

Будто бы и много знаем мы о мужестве и героических подвигах солдат минувшей войны, а все так же с жадностью читаем мемуары ее участников, слушаем рассказы ветеранов, не отрываемся от телеэкрана, если там — война.

Наверное, это потому, что знаем: не все еще рассказано о ней, далеко не все. Но все меньше становится людей, которые вынесли на себе смертельную пошу. И не только выстояли в бою, дошли до победы, выжили в госпитале — и потом десятилетия работали: строили, водили суда, варили сталь и ловили рыбу, растили сыновей и внуков, сживаясь с застрявшими осколками, разглагользывая спрам, преодолевая все время напоминающие о себе контузии...

Каждый из них мог стать Неизвестным солдатом, над останками которого горит Вечный огонь народной памяти.

Николай Архипович Булыгин, ныне старший механик небольшого суденышка «Путеец», приписанного к Нарьян-Марскому порту, ушел на фронт в декабре сорок первого.

Автоматчик 144-го стрелкового полка 145-й отдельной бригады, он мог погибнуть столько раз и на Калининском фронте, и на Смоленщине, и в Белоруссии. Ну хотя бы, когда они шестером во главе с сержантом Сашей Луговым отправились в тыл врага разведать расположение и силы его, так как готовилось наступление на Витебск. Сняли они тогда двух фашистских минометчиков и их офицера, и уже на обратном пути их накрыл шквальный огонь. Спасла предусмотрительность. Они уходили не своей тропой, а озером, брод через которое разведали заранее. Фашисты огнем перекрывали все пути, все тропы, а они ушли в темноте через озеро, которое считалось у фашистов непроходимым, — Глубокое.

Медаль «За отвагу» — память о том рейде.

Он мог навсегда остаться на поле боя в сентябре сорок третьего, когда после ранения в голову трое суток пролежал без сознания, парализованный. Он мог не выдержать операции, которую врачи звякогоспиталю сделали прямо на соломе, застеленной простыней.

В январе сорок четвертого инвалидом войны он вернулся в свой порт на Печоре, на свое суденышко, на свое место моториста.

Сам-то он из Суры, с Пинежья, но Печора стала второй его родной. Отец привез сюда семью, когда Нарьян-Мар еще только начинал строиться, когда нынешние улицы его были зарослями ивняка, а на висках, щарах и заливах гнездились утки. В порту работал плотником его отец, из порта ушли на фронт и не вернулись два его бра-

та... Он остался продолжать их дело. Первое время был замкнут и неразговорчив. Больше всего ему нравилось возиться со своим судовым двигателем. Лечить его и слушать, слушать его гудение — «гудь!» его сердца из металла и огня — и даже завидовать неутомимости его и здоровья.

Наверное, любимая работа и Печора тоже помогли Николаю Архиповичу залечить раны, окрепнуть, расправить душу, опаленную войной и потерей близких...

Он женился, росли его сыновья и дочь. Сейчас трое — шоферы, один, как и отец, старший механик на другом портовом судне.

А Николай Архипович все там же, на своем суденышке, у своих двигателей. О других говорят: он прошел путь от простого рабочего до... И следует какая-нибудь важная должность. А он? Он отдал жизнь работе речника. И прошел путь к высокому и надежному мастерству механика, волшебника машин и механизмов, наставника молодых мотористов и портовиков.

Снимали как-то осенью навигационную обстановку на Печоре. Навигация в Заполярье всегда напряжена, суда идут с грузами до самого ледостава, «Путеец» уже часто пробивается во льду, и — на тебе! — лопнула крышка цилиндра вспомогательного двигателя. Остановилась грузоподъемная лебедка. Как поднимать с воды навигационные знаки в сотни килограммов каждый? Ждать помощи неоткуда. А уходить — как? Все маяки, буи, вежи вмерзнут в лед — не вырвешь, а весной, а то и осенними штормами вынесет их в море. Вот тогда-то и сработали опыт, находчивость, мастерство механика. Он смог устранить поломку, привел двигатель в рабочее состояние, и все плавучие средства навигационной обстановки были сняты вовремя.

Работать «Путейцу» во время ледостава приходилось часто: куда от этого уйдешь, никто за него работать ведь не будет. А для плавания во льдах он не приспособлен. Задумал переоборудовать Николай Архипович всю систему работы и охлаждения двигателя и расширил возможности работы судна во льдах.

Спокойно и уверенно чувствует себя экипаж в любой обстановке, если на борту «Путейца» Николай Архипович Булыгин, почти сорок лет проработавший мотористом и механиком, не считая, правда, трех лет войны.

Впрочем, те три года научили многому. Скажем, радоваться утру каждого нового дня, с удовольствием работать, видеть красоту сурового края — те годы научили любить жизнь. А она продолжается.

Л. БРАТИШКА.

г. Нарьян-Мар.